

Синицын А.Ю. Картины на фарфоровых пластинах (коллекция № 2932) из японского собрания МАЭ РАН в контексте японской традиции изображения знаменитых воинов и героев прошлого // *Восточная Азия: Вещи, история, коллекции, тексты.* СПб., 2009. С. 68–104 (Сборник МАЭ. Т. LV).

Е. В. Иванова

60 лет в фондах МАЭ

МАЭ относится к крупным хранилищам памятников буддийской скульптуры (наряду с другими музеями Петербурга, Москвы, Улан-Удэ и др.) [Иванова 2009]. Лишь очень незначительная часть этого собрания находится на постоянной экспозиции музея или когда-то покидала фондохранилище для участия во временных выставках. Основная же масса до сих пор не введена ни в научно-просветительский, ни в научно-исследовательский оборот.

Памятуя об инструкции, содержащейся в контракте принятого в Кунсткамеру в 1724 г. на должность унтер-библиотекаря И. Шумахера, «библиотеку и кунсткамеру в своем правлении иметь <...>, все порядочно содержать, в библиотеке книгам, в кунсткамере разным обретающимся вещам каталоги учредить», и желая принять участие в этом процессе, автор предприняла попытку каталогизировать одну из самых значительных коллекций культовых предметов северного буддизма в нашем музее, поступившую в его фонды 60 лет назад и получившую № 5942.

Знакомясь с этой коллекцией, мы получаем представление о предназначенной для храмовых и домашних алтарей скульптуре малых форм. Аналоги ряда персонажей, представленных в этой коллекции, — Майтреи, Авалокитешвары, Будды Шакьямуни и др. — в самом Тибете и в стенах храмов, а особенно под открытым небом достигают подчас огромных размеров — описание этих священных изображений, производящих сильное впечатление и на небуддистов, находим в сочинениях многих путешественников, побывавших в Тибете, отечественных и зарубежных.

Опись коллекции № 5942 содержит минимум сведений о каждом предмете (название, размер), не всегда корректных и в большинстве случаев не дающих реального представления о месте того или иного персонажа (скрывающегося под обозначением «божество») в тибетском пантеоне, особенностях конкретного его изображения или назначении того или иного ритуального предмета. Исключение составляют несколько скульптур, атрибутированных в последние годы Д.В. Ивановым [2001; 200].

Коллекцию № 5942 упоминает в статье, посвященной рассмотрению тибетской культуры сквозь призму хранящихся в МАЭ тибетских вещей, А.М. Решетов в разделе о походных алтарях гау и глиняных табличках цаца [1973].

Автор задалась целью дать научное описание всех экспонатов данного собрания, проливающих свет на религиозную составляющую тибетской куль-

туры, которая вызывает жгучий интерес у исследователей-востоковедов, этнографов, религиоведов и у широкой публики, судя по обширной литературе о Тибете, издающейся в последние десятилетия в России и за рубежом.

Анализ рассматриваемой коллекции (640 единиц хранения), на 2/3 состоящей из металлической скульптуры — изображений Будд, Бодхисаттв, идамов, дхармапал и др. персонажей, означает необходимость погружения в стихию буддизма ваджраяны, требует понимания специфики иконографии несметного множества божеств его пантеона.

Буддизм — религия древняя, для тантрийской его формы, которая утвердилась в Тибете, характерен особенно сильно разросшийся пантеон. Индийский ученый Бхаттачарья, говоря о тантрийском периоде в истории буддизма в Индии (VII—XIII вв.), называет его «промискуитетным», имея в виду усиленный обмен богами между религиозными системами Индии — индуизмом, буддизмом и джайнизмом, и признается, что не всегда легко определить, к какой из этих систем относится конкретное изображение. Для внесения ясности в эту сферу он пишет свой труд «Буддийская иконография Индии», основанный на изучении тантрийских манускриптов *Sadhanamala*, *Nispannayogavali*, *Hevajra Tantra* и др. с описаниями процесса «садхана» — визуализации божества с целью обретения экстраординарной силы сиддхи, которые, как оказалось, служили источником по иконографии буддийских божеств для мастеров, создававших их изображения [Bhattacharyya 1968].

Несмотря на обилие трудов, посвященных буддийской иконографии, разобратся в ней — дело нелегкое, и много трудностей подстерегает исследователя, пытающегося систематизировать тысячи иконографических образов, и даже тибетские ламы далеко не всегда четко идентифицируют персонажей своей религии.

Неоценимую помощь для идентификации иконографических образов оказал «Определитель буддийских изображений», созданный петербургским буддологом А.А. Терентьевым, проработавшим изданные на протяжении XX в. пантеоны буддийских изображений (около 5 тысяч) и разработавшим метод поэлементного сопоставления незнакомых изображений с известными [Терентьев 2004]. Особенно ценна для меня была возможность — в дополнение к этому «письменному источнику» — получения устных консультаций создателя этого незаменимого справочного труда конкретно по предметам коллекции № 5942.

Другой консультант, включившийся в работу над коллекцией № 5942, — сотрудник НИИ реставрации (Москва) А.Ф. Дубровин, исследователь сплавов, из которых в разные века в разных районах Тибета и Непала отливалась металлическая скульптура.

Коллекция № 5942 хранится в фондах Дальнего Востока МАЭ. Это собрание поступило в наш музей в 1950 г. из московского Музея народов Востока. На большей части предметов имеется ярлычок, называющий родину этих вещей — Тибет и открывающий источник, из которого они попали в Россию —

Рис. 1. Хеваджра.
Магический покровитель веры.
МАЭ. Колл. № 5942-226

Рис. 2. Гухьясамаджа.
Божество тайной мудрости
МАЭ. Колл. № 5942-245

это была Московская таможня, а также дату их задержания этой государственной организацией — 1914 г. Часть задержанной коллекции попала в Одесский музей (устное сообщение тибетолога Е.Д. Огневой). К сожалению, неизвестно, кто (по некоторым предположениям — немецкий гражданин) и куда собирался взять это ценное «имущество», при каких обстоятельствах и в каких местах его приобрел, но несомненно, что этот аноним сделал чрезвычайно полезное дело для исследователей тибетского буддизма.

Однако не на всех предметах коллекции имеется указание на таможенный период их существования, а многочисленные наклейки с номерами и надписями свидетельствуют об их пребывании до поступления в Музей Востока в других московских музеях — Румянцевском, Музее народоведения, Музее народов СССР — и наводят на мысль об объединении в одну коллекцию вещей разного происхождения, соединенных на основании их принадлежности к буддийскому культу. Внимательное чтение статьи Б.А. Куфтина [1927] позволило определить, что ряд скульптур, фигурировавших на выставке в Музее народоведения в 1927 г., описанных им и запечатленных на фотографиях в упомянутой статье, находятся в составе нашей коллекции № 5942.

Коллекция № 5942 — не только самая большая буддийская коллекция нашего музея, но и весьма представительная — наряду с часто встречающимися в музейных собраниях изображениями Будды Шакьямуни, Будды Амитаюса, бодхисатв Авалокитешвары, Манджушри, Ваджрапани, Тары и др., в ней присутствуют изображения менее популярных божеств, редко встречающиеся в музеях мира.

По заключению А.А. Терентьева, в коллекции имеются скульптурные изображения, характеризующиеся редкой или необычной иконографией (№ 434, 508, 450) или не имеющие аналогов среди известных иконографических образов (№ 361, 544, 172, 294, 520).

По предварительной датировке, наряду с произведениями скульптуры XIX в. в гораздо большем числе представлены статуэтки, созданные в XV–XVI вв. (мнение А.Ф. Дубровина), имеются и произведения X–XI вв. (мнение Д.В. Иванова).

В целом следует признать, что состоявшееся 60 лет назад вливание в фонды МАЭ такой масштабной коллекции, представляющей большой художественный и культурно-исторический интерес, является важным событием в истории нашего музея, и публикация входящих в ее состав предметов может иметь немалое музееведческое и научное значение.

Библиография

Иванов Д.В. Атрибуция некоторых памятников тибетской коллекции МАЭ // Кюнеровские чтения (1998–2000). СПб., 2001. С. 54–55.

Иванов Д.В. Изображение трех Татхагат из коллекции буддийской бронзы МАЭ // Сборник МАЭ. Т. XLVIII. СПб., 200. С. 108–112.

Иванова Е.В. Хроника поступления буддийских коллекций в МАЭ РАН // Восточная Азия. Вещи, история коллекций, тексты. СПб., 2009. С. 145–210 (Сборник МАЭ. Т. LV).

Куфтин Б.А. Краткий обзор пантеона северного буддизма и ламаизма в связи с историей учения по коллекциям, выставленным в Центральном музее народоведения. М., 1927.

Решетов А.М. Тибетская коллекция (Духовная культура)// Культура народов Зарубежной Азии. Л., 1973. С. 227–250 (Сборник МАЭ. Т. XXIX).

Терентьев А.А. Определитель буддийских изображений. СПб., 2004.

Bhattacharyya B. The Indian Buddhist Iconography. 2-nd edition. Calcutta, 1968.

В. Н. Кисляков

Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии¹ и МАЭ

В середине 90-х годов XIX в. в Петербург были доставлены разнообразные материалы, собранные участниками экспедиций в Центральную Азию под руководством Всеволода Ивановича Роборовского и Петра Кузьмича Козлова. Среди них находились фрагменты рукописей, керамики, фресок.

Все это свидетельствовало о том, что на территории Восточного Туркестана в средние века существовала высокоразвитая культура, о которой практически ничего не было известно.

Академия наук в 1898 г. организовала экспедицию в Восточный Туркестан для сбора более подробной информации. Во главе был поставлен археолог, сотрудник МАЭ Дмитрий Александрович Клеменц². Эта экспедиция, получившая название Турфанской, увенчалась успехом³. Собранные ее участниками свидетельства привлекли внимание ученых-востоковедов всей Европы

В 1899 г. на проходящем в Риме XII Международном конгрессе востоковедов делегат от России академик Василий Васильевич Радлов выступил с предложением создать международный союз для исследования культуры Центральной Азии. Это предложение было принято.

В сентябре 1902 г. на XIII Международном конгрессе востоковедов в Гамбурге было принято окончательное решение о создании Международного Комитета с секциями в разных странах. При этом Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (РКСВА) в историческом, лингвистическом, археологическом и этнографическом отношениях был признан центральным координирующим органом.

В феврале 1903 г. Устав Русского комитета был официально утвержден правительством. В его состав вошли представители от Академии наук, факультета восточных языков Петербургского университета, Русского археологического общества, Русского географического общества, ряда министерств.

Главой Русского комитета был утвержден директор МАЭ академик В.В. Радлов. Секретарями РКСВА стали Василий Владимирович Бартольд и сотрудник МАЭ Лев Яковлевич Штернберг.

С самого начала своего существования РКСВА развернул активную деятельность по разностороннему исследованию культуры народов, населяющих